

DOI: [10.14515/monitoring.2024.4.2531](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2531)

К. А. Галкин

ТРАНСФОРМАЦИЯ АГЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Правильная ссылка на статью:

Галкин К. А. Трансформация агентности молодежи и пожилых людей в период пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 27—45. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2531>.

For citation:

Galkin K. A. (2024) Transformation of Agency of Youth and Older Adults during the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 27–45. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2531>. (In Russ.)

Получено: 05.12.2023. Принято к публикации: 04.06.2024.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АГЕНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

ГАЛКИН Константин Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

Аннотация. Статья представляет исследование, нацеленное на анализ процессов формирования агентности и адаптации у пожилых и у молодых людей в условиях пандемии. Автор ставит своей целью выявить и проанализировать процессы адаптации к ситуации пандемии и связанных с ней ограничений. Работа опирается на материалы полуструктурированных интервью с молодежью и пожилыми людьми, собранных в период с февраля по июль 2023 г.

Агентность рассматривается как набор различных действий индивидов и ответственность за них, в рамках этого подхода автор анализирует трансформацию агентности в двух группах населения, а также изучает их взаимодействие с окружающей средой во время COVID-19. Результаты исследования позволяют утверждать, что как пожилые, так и молодые люди стремились трансформировать свою агентность, адаптируя ее к условиям пандемии, принимая ограничительные меры и получая лечение. Трансформация агентности приводила к изменениям в их поведении и повседневной жизни. Для молодежи эта адаптация чаще всего была временной, в то время как для пожилых людей она стала неотъемлемой частью жизни, связанной с ограничивающим воздействием медицины. Пожилые люди в целом были более склонны принимать произошедшие изменения и адапти-

TRANSFORMATION OF AGENCY OF YOUTH AND OLDER ADULTS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Konstantin A. GALKIN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher

E-MAIL: Kgalkin1989@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>

¹ Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (branch) of the Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology RAS, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article presents a study aimed at analyzing the processes of agency formation and adaptation of older and younger people in the context of a pandemic. The author aims to identify and analyze the processes of adaptation to the pandemic situation and the restrictions associated with it. The work is based on semi-structured interviews with young people and older people, collected from February to July 2023.

Agency is considered as a set of different actions of individuals and responsibility for them; within the framework of this approach, the author analyzes the transformation of agency in two population groups and studies their interaction with the environment during COVID-19. The article presents a study aimed at analyzing the processes of agency formation and adaptation in older and younger people in the context of a pandemic. The transformation of agency led to changes in their behavior and everyday life. For young people, this adaptation was most often temporary, while for older people it became an integral part of life associated with the restrictive effects of medicine. Older people were generally more willing to accept and adapt to the changes that had taken place, while younger participants of the study were more flexible and maintained a critical outlook on the situation, trying to adapt to new conditions while simultaneously recognizing and

роваться к ним, тогда как молодые участники исследования проявляли большую гибкость и сохраняли критический взгляд на ситуацию, стараясь адаптироваться к новым условиям, одновременно осознавая и анализируя созданные пандемией проблемы и сложности.

analyzing the problems and difficulties created by the pandemic.

Ключевые слова: трансформация агентности, пандемия COVID-19, молодежь, пожилые люди, последствия пандемии

Keywords: agency transformation, COVID-19 pandemic, youth, older adults, pandemic consequences

Введение

В современной социологии наблюдается повышенное внимание к исследованиям индивидуального действия в свете кризисов и глобальных изменений. Особое значение приобретает концепт агентности, выделяемый рядом исследователей [Кузьминов, Сорокин, Фруммин, 2019]. Пандемия COVID-19 показала необходимость пересмотра традиционных подходов к изучению агентности и включению данного концепта в социологические рассуждения [Сорокин, Зыкова, 2021]. Российские и зарубежные работы, посвященные поведению людей в период пандемии, подчеркивают важность индивидуального действия человека, а не только соответствия регламентам, часто устанавливаемым сверху и осложняющим жизнь общества. Например, авторы, фокусирующиеся на формировании агентности в сфере образования в период пандемии, подчеркивают необходимость анализа как молодежи, так и преподавателей, отмечая, что изменения в агентности, произошедшие в этот период, могут оказать длительное воздействие на жизненные пути и отношение людей к обществу в целом [Dwivedi et al., 2020].

Изменения в агентности, произошедшие в условиях пандемии COVID-19, затрагивают не только трудовые отношения, но также сферу досуга, профессионального развития и коммуникации, которые особенно проблематичны для таких групп, как пожилые люди [Григорьева, Богданова, 2020]. Подобные исследования формулируют проблемы и предполагают необходимость разработки как новых теорий для изучения агентности, так и практических инструментов, чтобы расширить ее понимание [Vale et al., 2020; Leach et al., 2021]. Это включает в себя не только социально-экономическую динамику, но и рассмотрение индивидуальных особенностей и потенциала людей для понимания индивидуального выбора и воздействия происходящих трансформаций на повседневную жизнь индивидов [Chen, 2021]. Такие задачи стоят как перед научным сообществом, которое стремится найти ответы на вопросы об изменениях в агентности, так и перед сферой бизнеса, образования и производства, где ключевым является переход к ориентации на индивидуальные ресурсы и потенциал людей.

В последние годы, в свете глобальных кризисов, особое внимание ученых привлекает изучение концепции агентности и возможных изменений в индивидуальном действии. Ситуация пандемии COVID-19 повлияла на возникновение новых

подходов к изучению агентности и роли индивидуальных инициатив в преодолении кризисных ситуаций. Исследователи отмечают, что помимо институциональных мер решающее значение имеют действия и выборы отдельных индивидов, включая их инициативы по решению проблем, связанных со здоровьем в период пандемии [Pradies et al., 2021; Сорокин, 2021].

Сфокусированные на молодежи и студентах как ключевых группах в период пандемии исследования трансформации агентности освещают вызовы, с которыми сталкивается образовательная система [Абрамов и др., 2020; Чернова, Шпаковская, 2021]. Ответом на эти вызовы может стать развитие изменяющейся агентности, причем исследование этого процесса остается актуальным даже после завершения пандемии, в свете постоянных трансформаций социального порядка. Тем не менее работы не должны игнорировать аспекты агентности групп населения помимо молодежи, таких как пожилые люди, которые пострадали от пандемии в большей степени и до сих пор продолжают испытывать негативные (репрессивные) последствия. Изучение агентности пожилых людей пока недостаточно освещено в научной литературе. Цель данной статьи — изучение трансформации агентности представителей двух возрастных групп: пожилых людей и молодежи. Основной акцент делается на анализе влияния медицинских мер и ограничительных действий, предпринимаемых в связи с пандемией, на обе эти группы населения.

Обзор исследований агентности

В социально-экономических науках развивается дискурс о противопоставлении структуры и действия. Однако исследований, которые концептуализируют понятие агентности и рассматривают его формирование с позиции научного знания, немного. Существующие работы обычно фокусируются на описании агентности в целом, уделяя мало внимания ее трансформации [Штомпка, 2001; Сорокин, Фрумин, 2020]. Это подчеркивает необходимость проведения эмпирических исследований, посвященных изучению особенностей маркирования агентности индивидами и формирования агентности в контексте кризисных ситуаций.

Современные социологические исследования, обзоры и теоретические работы ориентированы на определение агентности с социологической точки зрения. Однако разнообразие концепций, используемых для описания агентности, иногда затрудняет понимание и описание ее формирования. Например, агентность может восприниматься как независимость от правил среды или как формирование контроля над собой в неблагоприятных условиях [Berridge, 2017]. Ученые все чаще рассматривают агентность как способность принимать решения на основе личных желаний и мотиваций, не поддаваясь внешнему давлению [Smith, Ulvik, 2017]. В таком контексте агентность может проявляться в сопротивлении внесенным изменениям и ограничениям в обществе [Rydzik, Anitha, 2019].

Важная черта современных исследований агентности — учет как объективных внешних событий, так и субъективных характеристик личности, позволяющих действовать проактивно в различных ситуациях. Для анализа проявлений агентности оптимален социологический подход, который позволяет учитывать внешние и внутренние факторы [Bhatti et al., 2020; Tuominen, Martinsuo, 2019]. Однако ба-

зовым и важным аспектом остается изучение агентности в контексте взаимодействия структуры и действия.

Глобальные кризисы, такие как вызванный пандемией COVID-19, поднимают вопросы о трансформационном потенциале действия относительно структуры. Изучение агентности в этом контексте подразумевает рассмотрение ее и как социально поощряемого действия, и как действия, выходящего за пределы ожиданий и изменяющего социальную среду [Pahl-Wostl et al., 2023; Campbell, 2020].

В данном исследовании мы рассматриваем трансформацию агентности в период пандемии COVID-19 как результат взаимодействия среды и человеческой активности. В отличие от ряда исследователей, согласно которым ситуация пандемии и связанные с ней ограничения лишали людей их агентности [Statz, Kobayashi, Finlay, 2023; Sanderson et al., 2021; Jones, 2024], мы предполагаем, что пандемия не лишала индивидов агентности, а скорее вызывала трансформации агентности, причем эти изменения могли различаться в зависимости от поколения.

Под агентностью мы понимаем совокупность атрибуций, связанных с действиями индивидов в различных ситуациях. Таким образом, агентность определяется набором разнообразных действий и ответственности за них, присутствующих в повседневной жизни людей. Агентность формируется из множества переживаний, связанных как с окружающей средой, так и с особенностями личности, а также с изменениями, происходящими в современном мире.

Исследования агентности затрудняет отсутствие единого категориального аппарата. В научных дебатах наблюдается разнообразие точек зрения на определение агентности и ее главные компоненты. В настоящее время преобладает дискурс, который можно разделить на два основных подхода: первый акцентирует внимание на личных навыках и умениях индивида, в то время как второй подход рассматривает агентность в контексте взаимодействия с окружающей средой [Bandura, 1977; Kwon, Kim, 2020; Tuominen, Martinsuo, 2019]. Эти два направления подразумевают разные модели восприятия агентности и ее формирования в индивидуальном и социальном контекстах. В настоящем исследовании используется подход, который рассматривает агентность в контексте взаимодействий с окружающей средой.

Методология исследования и эмпирическая база

Все информанты исследования — жители Санкт-Петербурга. Возрастной диапазон пожилых людей — от 65 до 80 лет, возрастной диапазон молодых информантов — от 18 до 22 лет. Всего было проведено 40 интервью. Интервью собирались с февраля по июль 2023 г. Выбор возрастных групп для сравнения обоснован необходимостью полного понимания особенностей формирования агентности в различных возрастных категориях. Группы пожилых людей были разделены на две категории (65—75 лет и 75—80 лет) с учетом различий в их социально-экономическом статусе и уязвимости перед эпидемическими рисками. В категории 65—75 лет было взято 14 интервью, в группе 75—80 лет — 10. Группы молодежи (18—20 лет и 20—22 года) были выбраны из-за различий в образовательных и профессиональных характеристиках, влияющих на формирование агентности и отношение к эпидемическим ограничениям. Среди 18—20-летних информантов взято 10 интервью, среди 20—22-летних — 6. Все информанты проживали либо

в собственном, либо в съемном жилье. У пожилых людей было преимущественно высшее и среднее специальное образование. Информанты 65—75 лет преимущественно продолжали занятость, а 75—80 лет не работали. Молодые участники исследования имели полное среднее образование и обучались в вузах Санкт-Петербурга. Информанты из группы 20—22 года имели в том числе и неполное высшее образование (бакалавриат) и продолжали обучение в магистратуре. Данные об информантах приведены в Приложении 1.

Метод сбора данных — полуструктурированные интервью (см. гайд в Приложении 2). Данные анализировались с применением тематического метода [Miles, Huberman, 1994; Kvale, 1996]. Тексты интервью были закодированы по заранее отобраным темам: «ограничительные меры и их соблюдение»; «лечение, госпитализация и взаимодействия с врачами»; «значение пандемии и особенности пандемии»; «трудности преодоления периода пандемии и изоляции». Для анализа нарративов интервью применялся метод секвенционного анализа.

Соблюдение ограничительных мер

В нашем исследовании мы обнаружили, что как пожилые, так и молодые участники были готовы добровольно принимать необходимые ограничения, связанные с пандемией, и старались их соблюдать. Этот факт свидетельствует об их высокой социальной ответственности. Они осознавали, что ограничения прежде всего влияют на их личную свободу, но при этом признавали полезность таких мер для общественного здоровья.

Пожилые информанты отмечали, что хотят быть полноправными участниками социальной жизни, несмотря на введенные ограничения. Это говорит о желании сохранить активность в общественных сферах даже в условиях ограничений, которые могут создавать барьеры для полноценного общения. Интервьюируемые выражали надежду, что принимаемые меры не отразятся на их активности и участии в общественной жизни:

Все эти ограничения, которые были введены, они, конечно, очень серьезно повлияли и на мой распорядок дня, да и вообще на мироощущение, что ли. Не выйдешь в будни никуда, потому что боишься, что могут тебя, так сказать, попросить вернуться в родные пенаты. И это, конечно, самое сложное, вообще вот, наверно, именно это и напугает больше всего, потому что твое время уже не принадлежит тебе, и ты думаешь, когда удобно куда-либо сходить, чтобы не нарушать карантинные меры и карантинные ограничения. (Мария, 83 года, пенсионер).

Информанты выражали и критическое отношение к мерам, стремясь соблюдать только те, которые считались действительно эффективными для сохранения здоровья и имели научное обоснование. Понимание необходимости этих мер информанты связывали с опасением заразиться коронавирусом, что мотивировало их соблюдать соответствующие меры безопасности.

Я считаю, что, конечно, были перегибы там с этими санитайзерами в тех же торговых центрах. Ну, или вообще там перегибы с вообще в целом вот этим вот бесконтрольным

закрытием всего... Но, если так-то разобраться здраво, смысл в этих ограничительных мерах есть, и он весьма и весьма значимый и весомый. Потому что если вообще не делать, как в той же там Швеции было, то вымрут все люди без остатка... Никого в итоге не останется в живых, и это, безусловно, будет плохо. (Андрей, 21, студент).

Подобное поведение информантов можно сравнить с идеей И. Гофмана о тотальном институте, когда люди подчиняются ограничениям, навязанным властью, ради достижения определенных целей, в данном случае — сохранения здоровья [Томсон, 2018]. Информанты признавали временное ущемление своей агентности в обмен на возможность сохранить свое здоровье и соответствовать правилам и ограничениям, введенным в период пандемии.

По результатам наших интервью, и молодые, и пожилые информанты демонстрировали готовность подчиниться ограничительным мерам, чтобы сохранить свое здоровье и соответствовать требованиям властей в условиях пандемии. Это важный фактор для соблюдения общественной безопасности и эффективного преодоления пандемии. Тем не менее в ходе исследования выяснилось, что отношение пожилых людей и молодежи к ограничительным мерам, введенным в связи с пандемией, различается. Пожилые люди проявляют более серьезное отношение к этим мерам, что, вероятно, объясняется осознанием более высокого риска для своего здоровья в случае заражения. Возможно, это связано с их пониманием того, что возрастные особенности делают их более уязвимыми, и они предпринимают меры предосторожности, чтобы минимизировать риск заболевания. С другой стороны, молодые люди, возможно, воспринимают ограничения менее серьезно, полагая, что те не так сильно влияют на их повседневную жизнь и активности. Молодежь более склонна к риску и может не так строго придерживаться правил социальной дистанции или использования масок. Различия в отношении к ограничениям между пожилыми людьми и молодежью могут быть связаны как с различным восприятием риска, так и с различиями в поведенческих шаблонах и отношении к авторитетам.

Пожилые люди в нашем исследовании описывали контекст пандемии скорее как признак деградации и упадка прежнего мира. Их взгляды отражали представление о пандемии как следствии общей деградации социальных институтов, медицинской системы и экологической обстановки. Для них введение ограничительных мер — символ неспособности общества справиться с глобальным вызовом, что подчеркивало их чувство потери стабильности и контроля над окружающим миром:

Вы знаете, раньше — еще даже в момент позднего СССР, ну перед самым распадом Советского Союза, — все было совсем по-другому. Да, собственно говоря, и помыслить раньше не могли такую ситуацию, как ситуацию глобальной пандемии сейчас. А сейчас это вообще в целом-то и неудивительно с учетом всего происходящего, с учетом подобной всеобщей деградации, что такие истории случаются. Поэтому сама пандемия — это, наверное, лучшая иллюстрация того, до чего человек может довести планету и что бывает с планетой, если происходят вот такие проблемы. Поэтому ничего удивительного в этом нет — какой мир, такие и новые болезни в этом мире. (Иван, 69, строитель).

Люди пожилого возраста акцентировали внимание на необходимости соблюдения предписанных мер, однако они испытывали беспокойство и опасения перед возможным введением новых, более строгих ограничений.

В рассказах пожилых людей мы обнаружили интересную особенность — их активное сопротивление инновациям и негативное отношение к современным изменениям, связанным с научно-техническим прогрессом. Часто они описывали прошлое как времена, когда все было лучше, и видели в новых ограничениях лишь усиление общего упадка. Для них адаптация к изменениям ассоциировалась с потерей собственной агентности, они следовали ограничениям скорее из чувства безысходности, чем из убежденности в их неотложной необходимости.

Я не знала, что будет дальше, да я, собственно говоря, не знала, что будет и через неделю, как продлят карантин и какие еще ограничения будут введены. Но все, что новое вводилось, я, безусловно, очень воспринимала все близко к сердцу, потому что по-другому и нельзя никак в этой-то ситуации. Потому что это такие ощущения, когда старый мир, как в известной песне, разрушен до основания, а новый мир еще не наступил. (Маргарита, 73, пенсионер).

Эти наблюдения позволяют нам глубже понять, как пожилые люди воспринимают изменения и как они адаптируются к новым условиям, а также обращают внимание на значимость аспектов личной автономии и контроля в их жизни.

На контрасте с пожилыми людьми молодежь относилась к введенным ограничениям как к временному явлению, видя в них не столько препятствие, сколько вызов, который требует адаптации. Для молодых людей эти меры не были сдерживающим фактором, а даже наоборот — стимулировали к развитию новых навыков и стратегий. Они готовы были изменить свои привычки и поведение в соответствии с требованиями ситуации, а также использовать новые технологии и способы взаимодействия для поддержания связи с окружающим миром. Молодежь проявляла гибкость и творческий подход к решению проблем, искренне веря в свою способность преодолевать трудности. Именно эта готовность к преобразованиям и стремление к самосовершенствованию помогли молодежи успешно адаптироваться к измененным условиям и найти новые возможности для самовыражения и самореализации.

Лечение коронавируса и госпитализация

Когда индивид осознает свое заражение коронавирусом, обычно он или она понимает необходимость обращения за медицинской помощью и лечением. Переболевшие информанты рассказывали в интервью, что больше всего переживали за возможность получения качественной медицинской помощи как дома, так и в стационаре. Они следили за всеми этапами заболевания и отмечали серьезные проблемы со здоровьем, для того чтобы быть информированными о возможных осложнениях и трудностях в лечении.

Когда температура поднялась, а потом резко и очень неприятно стало горло болеть у меня, я стала каждую деталь отмечать и по каждой детали вести наблюдение, пото-

му что это понятно, что новая инфекция и как ее лечить, думаю, точно никто не скажет — ни врачи, и ни ученые. Поэтому, как только появились признаки, я сразу, еще до теста на ПЦР, уже записывала все симптомы и все, что меня беспокоит, чтобы составить наиболее полную картину в лечении. (Анастасия, 76, пенсионер).

Люди, осознавшие, что заразились COVID-19, испытывали тревогу не только по поводу своего собственного здоровья, но и из-за возможности заразить близких. Это подчеркивает важность доступа к качественной медицинской помощи и информации о заболевании как для индивида, так и для его окружения.

Информированность о заболевании и доступ к качественной медицинской помощи имели решающее значение для успешного противодействия болезни и снижения риска осложнений. Заболевшие активно стремились получить всю необходимую информацию о COVID-19 и его лечении, что позволяло им принимать обоснованные решения и участвовать в собственном восстановлении.

Ну, я пришла, ну, врач меня что-то спрашивала и спрашивала, в итоге там посмотрела все и приняла решение о назначении необходимого лекарства, так все и было. Вообще-то, по факту, я это лекарство и стала принимать, и теперь вот вылечилась. Я не очень люблю вообще врачей и, следовательно, нет у меня прям такого желания делиться чем-либо. Да, про температуру сказала, но там про другие подробности, про ту же диарею, которая у меня была довольно сильная, как только поднялась температура, — это личное, про это я не вижу смысла говорить с врачами. (Ирина, 21, студент).

Осознание заражения коронавирусом вызывало у индивидов острую потребность в доступе к медицинской помощи и информации, что выдвигало эти аспекты на первое место в борьбе с пандемией.

Чтобы оставаться информированными о своем состоянии здоровья, наши информанты использовали различные источники информации: общение с людьми, перенесшими инфекцию, чтение специализированных форумов и групп в социальных сетях, изучение научно-популярных статей. Важно отметить, что пожилые пациенты были более склонны к тщательному мониторингу своего состояния и поиску информации о болезни, в то время как молодые пациенты чаще придерживались приватности и ограничивались простым выполнением медицинских рекомендаций.

Я дневник писал своего, скажем так, домашнего лечения и проблем со здоровьем. И это все я в дневнике фиксировал и все это и рассказывал врачам, ведь только они и могут помочь, и я вообще не вижу смысла чего-либо утаивать и скрывать, это неправильно, на мой взгляд. (Иван, 69, строитель).

В нашем исследовании мы приходим к выводу, что ситуация пандемии не лишила людей агентности, а, наоборот, изменила способы ее проявления, которые могли различаться в зависимости от возраста и индивидуальных особенностей.

Мы обнаружили, что молодежь воспринимала госпитализацию как потерю собственной агентности из-за необходимости подчиниться медицинским процедурам

и ограничениям, в то время как у пожилых людей тревоги были больше связаны с ограничениями возможностей современной медицины в лечении коронавируса и качеством медицинской помощи, которую они получали до пандемии.

Я когда попал в больницу, температура была под сорок. Да, понимал, что здесь у врачей сейчас одна задача, ну, собственно говоря, лечить само заболевание и принимать все необходимые меры по лечению. Это и понятно в целом, но, так скажем, когда я здесь находился, то особенно не задумывался, там, каким должно быть вообще лечение и разговоры с врачами, то есть ну есть оно и есть, и это было в целом для меня основным. Главное — это быстрее выздороветь и, конечно, быстрее на ноги встать и домой уйти, вот это и было основным для меня сейчас в лечении. (Федор, 20, студент).

Сейчас все не так, как раньше. И молодые доктора, они вообще с пациентами практически не разговаривают и не общаются, вот это и печально в целом. А для пожилых людей, наверное, наиболее значимым выступает как раз таки вот эта поддержка, которой очень сильно не хватает. А в эту заразу пандемию так и вообще я понимаю, что времени ни у кого не стало, так в итоге все и происходит — диагноз поставили и потом стали лечить, а я одинокая, и поддержки этой нет. Это очень психологически, конечно, непросто и тяжело. (Антонина, 80, пенсионер).

При поступлении в клинику и коммуникации с врачами объективировалась телесность пациентов, жизнь их радикально менялась. Это вызывало чувство тревоги у многих пожилых людей, они ощущали утрату части своей жизни и изменение своей агентности. Для молодежи же медицинские процедуры воспринимались скорее как техническая необходимость, а не угроза агентности.

Таким образом, наше исследование показывает, что изменение агентности пациентов в период пандемии зависело от их возраста и особенностей восприятия информантами ситуации пандемии. Для молодежи лечение представляло собой функциональный процесс, в то время как для пожилых людей оно оказывало глубокое влияние на их самосознание, что в конечном счете ухудшало их психологическое состояние.

Заключение

С началом пандемии возник особый интерес к исследованию агентности, поскольку она стала ключевым аспектом для понимания того, как люди адаптируются к трансформирующимся условиям окружающего мира. В проведенном исследовании мы рассматривали агентность как наборы различных действий и ответственности за них, существующие в повседневности пожилых людей. Ученые по всему миру начали активно изучать, как изменения в окружающей среде, вызванные пандемией COVID-19, влияют на агентность различных групп населения. В ходе нашего исследования мы обратились к вопросу о том, как именно пандемия воздействовала на агентность молодежи и пожилых людей. Исследование проводилось методом полуструктурированных интервью с молодежью и пожилыми людьми, проживающими в Санкт-Петербурге. Всего с февраля по март 2023 г. было собрано 40 интервью, их материалы анализировались с применением тематиче-

ского метода и секвенционного анализа нарративов интервью. Ограничения исследования заключаются в небольшой по объему выборке и невозможности рассмотрения регионального аспекта.

Наши результаты показали, что обе группы информантов сталкивались с трансформацией своей агентности. С одной стороны, они признавали необходимость соблюдения введенных норм и ограничений для защиты своего здоровья, что неизбежно приводило к изменениям в их образе мышления и поведении. С другой стороны, как молодежь, так и пожилые люди осознавали временный характер этих изменений и надеялись, что после окончания пандемии они смогут вернуться к привычной жизни.

Однако стоит отметить, что молодежь и пожилые информанты по-разному приспособлялись к новым условиям. Пожилые в целом были склонны принимать изменения как неизбежные и подстраиваться под них без особого сопротивления, считая их необходимыми для своего благополучия. С другой стороны, молодежь проявляет большую гибкость и активно адаптируется к новым условиям, сохраняя при этом критическое мышление и стремление к самовыражению.

Список литературы (References)

1. Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А., Захарова У. С., Григорьева А. В. Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24. № 2. С. 59—74. <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.014>.
Abramov R. N., Gruzdev I. A., Terentev E. A., Zakharova U. S., Grigoryeva A. V. (2020) University Professors and the Digitalization of Education: on the Threshold of Force Majeure Transition to Studying Remotely. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 24. No. 2. P. 59—74. <https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.014>. (In Russ.)
2. Григорьева И. А., Богданова Е. А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 187—211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>.
Grigoryeva I. A., Bogdanova E. A. (2020) The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. No. 2. P. 187—211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>. (In Russ.)
3. Кузьминов Я., Сорокин П., Фруммин И. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // *Форсайт*. 2019. Т. 13. № 2. С. 19—41. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.19.41>.
Kuzminov Ya., Sorokin P., Frumin I. (2019) General and Special Skills as Components of Human Capital: New Challenges for the Theory and Practice of Education. *Foresight*. Vol. 13. No. 2. P. 19—41. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.19.41>. (In Russ.)

4. Сорокин П. С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа: современные дискуссии и роль образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 124—138. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138>.
Sorokin P. S. (2021) “Transformative Agency” as an Object of Sociological Analysis: Contemporary Discussions and the Role of Education. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 21. No. 1. P. 124—138. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-124-138>. (In Russ.)
5. Сорокин П. С., Зыкова А. В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 216—241. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>.
Sorokin P. S., Zyкова A. V. (2021) «Transformative Agency» as a Subject of Research and Development in the 21st Century: A Review and Interpretation of International Experience. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 5. P. 216—241. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>. (In Russ.)
6. Сорокин П. С., Фрумин И. Д. (2020) Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки. *Социологические исследования*. № 7. С. 27—36. <https://doi.org/10.31857/S013216250009571-1>.
Sorokin P. S., Frumin I. D. (2020) “Structure/Agency” Problem in the 21st Century: Changing Social Reality and Research Implications. *Sociological Studies*. No. 7. P. 27—36. <https://doi.org/10.31857/S013216250009571-1>. (In Russ.)
7. Томпсон Х. Агентность, опосредованная объективацией: субъектность и технологии // Логос. 2018. Т. 28. № 5. С. 203—248.
Thompson C. (2018) Agency through Objectification: Subjectivity and Technology. *Philosophical Literary Journal Logos*. Vol. 28. No. 5. P. 203—248. (In Russ.)
8. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. «Бесконечный день сурка»: социологический анализ учебных практик студентов вузов в ситуации вынужденной изоляции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 464—483. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>.
Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2021) “Endless Groundhog Day”: Sociological Analysis of Educational Practices Implemented by University Students in a Situation of Forced Isolation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 464—483. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1765>. (In Russ.)
9. Штомпка П. (2001) Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. No. 9. С. 3—13.
Sztompka P. (2001) The Concept of Social Structure: An Attempt at Generalization. *Sociological Studies*. No. 9. P. 3—13. (In Russ.)

10. Bandura A. (1977) Self-Efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavioral Change. *Psychological Review*. Vol. 84. No. 2. P. 191—215. <https://doi.org/10.1037/0033295x.84.2.191>.
11. Berridge D. (2017) The Education of Children in Care: Agency and Resilience. *Children and Youth Services Review*. Vol. 77. P. 86—93. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2017.04.004>.
12. Bhatti S., Zakariya R., Vrontis D., Santoro G., Christofi M. (2021) High-Performance Work Systems, Innovation and Knowledge Sharing: An Empirical Analysis in the Context of Project-Based Organizations. *Employee Relations: The International Journal*. Vol. 43. No. 2. P. 438—458. <https://doi.org/10.1108/ER10-2019-0403>.
13. Campbell P. (2020) Rethinking Professional Collaboration and Agency in a Post-pandemic Era. *Journal of Professional Capital and Community*. Vol. 5. No. 3/4. P. 337—341. <https://doi.org/10.1108/JPCO-06-2020-0033>.
14. Chen J. H. (2021) Daily Social Life of Older Adults and Vulnerabilities during the COVID-19 Pandemic. *Frontiers in Public Health*. Vol. 9. Art. 637008. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.637008>.
15. Dwivedi Y. K., Hughes D. L., Coombs C., Constantiou I., Duan Y., Edwards J. S., Gupta B., Lal B., Misra S., Prashant P., Raman R., Rana N. P., Sharma S. K., Upadhyay N. (2020) Impact of COVID-19 Pandemic on Information Management Research and Practice: Transforming Education, Work and Life. *International Journal of Information Management*. Vol. 55. P. 102—211. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102211>.
16. Huberman M., Miles. M. B. (1994) *The Qualitative Researcher's Companion*. New York, NY: Sage.
17. Jones R. H. (2024) How to Have Agency in a Pandemic. *Frontiers in Artificial Intelligence*. Vol. 6. Art. 1279759. <https://doi.org/10.3389/frai.2023.1279759>.
18. Kvale S. (1996) *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Thousand Oaks, New York, NY: Sage.
19. Kwon K., Kim T. (2020) An Integrative Literature Review of Employee Engagement and Innovative Behavior: Revisiting the JD-R Model. *Human Resource Management Review*. Vol. 30. No. 2. Art. 100704. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2019.100704>.
20. Leach M., MacGregor H., Scoones I., Wilkinson A. (2021) Post-pandemic Transformations: How and Why COVID-19 Requires Us to Rethink Development. *World Development*. Vol. 138. P. 105—233. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105233>.
21. Pahl-Wostl C., Odume O. N., Scholz G., De Villiers A., Amankwaa E. F. (2023) The Role of Crises in Transformative Change Towards Sustainability. *Ecosystems and People*. Vol. 19. No. 1. Art. 2188087. <https://doi.org/10.1080/26395916.2023.2188087>.

22. Pradies C., Aust I., Bednarek R., Brandl J., Carmine S., Cheal J., Pina e Cunha M., Gaim M., Keegan A., K. Lê J., Miron-Spektor E., Nielsen R-K., Pouthier V., Sharma G., Sparr Jennifer L., Vince R., Keller J. (2021) The Lived Experience of Paradox: How Individuals Navigate Tensions during the Pandemic Crisis. *Journal of Management Inquiry*. Vol. 30. No. 2. P. 154—167. <https://doi.org/10.1177/1056492620986874>.
23. Rydzik A., Anitha S. (2019) Conceptualising the Agency of Migrant Women Workers: Resilience, Reworking and Resistance. *Work, Employment and Society*. Vol. 34. No. 5. P. 883—899. <https://doi.org/10.1177/0950017019881939>.
24. Sanderson R., Spacey R., Zhu X., Sterling-Morris R. E. (2021) Supporting Student Experience during the Pandemic and Beyond. *Student Success*. Vol. 12. No. 3. P. 96—105. <https://doi.org/10.5204/ssj.1847>.
25. Smith K., Ulvik M. (2017) Leaving Teaching: Lack of Resilience or Sign of Agency? *Teachers and Teaching*. Vol. 23. No. 8. P. 928—945. <https://doi.org/10.1080/13540602.2017.1358706>.
26. Statz T. L., Kobayashi L. C., Finlay J. M. (2023) ‘Losing the Illusion of Control and Predictability of Life’: Experiences of Grief and Loss among Ageing US Adults during the COVID-19 Pandemic. *Ageing & Society*. Vol. 43. No. 12. P. 2821—2844. <https://doi.org/10.1017/s0144686x21001872>.
27. Tuominen T., Martinsuo M. (2019) Employees’ Agency in the Formalisation of Knowledge-Intensive Business Service Processes: A Cross-Case Comparison. *Journal of Service Theory and Practice*. Vol. 29. No. 1. P. 45—70. <https://doi.org/10.1108/jstp102017-0184>.
28. Vale M. T., Stanley J. T., Houston M. L., Villalba A. A., Turner J. R. (2020) Ageism and Behavior Change during a Health Pandemic: A Preregistered Study. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. P. 587—911. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.587911>.

Приложение 1. Список информантов

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
1	Ангелина	Ж	22	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
2	Степан	М	22	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
3	Андрей	М	21	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
4	Ирина	Ж	21	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
5	Маргарита	Ж	22	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
6	Стефания	Ж	21	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 20—22 года)
7	Екатерина	Ж	18	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
8	Анастасия	Ж	19	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
9	Евгений	М	19	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
10	Петр	М	18	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
11	Николай	М	18	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
12	Евгения	Ж	19	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
13	Марина	Ж	19	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
14	София	Ж	20	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
15	Мария	Ж	20	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
16	Егор	М	18	Студент	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с молодежью, группа 18—20 лет)
17	Иван	М	69	Строитель	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
18	Евдокия	Ж	73	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
19	Татьяна	Ж	65	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
20	Марианна	Ж	74	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
21	Анжела	Ж	73	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
22	Александр	М	65	Водитель	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
23	Альберт	М	70	Преподаватель	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
24	Виолетта	Ж	67	Бухгалтер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
25	Алефтина	Ж	74	Консьерж	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
26	Надежда	Ж	69	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
27	Мария	Ж	70	Предприниматель	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
28	Людмила	Ж	67	Экономист	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
29	Валерия	Ж	65	Врач	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
30	Маргарита	Ж	73	Бухгалтер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 65—75)
31	Мария	Ж	83	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
32	Василиса	Ж	76	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
33	Иннокентий	М	79	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
34	Антонина	Ж	77	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
35	Герман	Ж	75	Преподаватель/пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
36	Василиса	Ж	80	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
37	Анастасия	Ж	76	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
38	Прасковья	Ж	78	Швея/ пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
39	Максим	М	76	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)
40	Юлия	Ж	78	Пенсионер	Санкт-Петербург	Основное исследование (интервью с пожилыми людьми, группа 75—80)

Примечание. Все имена информантов в приложении анонимизированы.

Приложение 2. Гайд интервью

- Сколько вам лет?
- Вы работаете, /учитесь/ на пенсии?
- В каком году и как вы заразились ковидом?
- Была ли у вас прививка до этого? Собирались ли вы ее делать и почему сделали, / не сделали?
- Соблюдали ли вы защитные правила и почему соблюдали/ не соблюдали?
- Считаете ли вы достаточными защитные правила и нормы, введенные во время пандемии и почему они достаточные или недостаточные?
- Как вы считаете, что из введенных норм было наиболее сложным для соблюдения и/или бессмысленным и почему?
- Когда вы заболели, как вы лечили заболевание и к кому вы обращались за лечением?
- Чтобы было для вас самым важным, когда вы заболели и почему?
- Вы лечили ковид дома или в больнице, расскажите о своем выборе и аргументируйте свой выбор?
- Что было наиболее сложным при общении с врачами во время болезни?
- Вы обращались к услугам бесплатной или платной медицины при лечении ковида? Почему к платной/ бесплатной?
- Какие информационные порталы вы использовали когда заболели ковидом? Если не использовали, то почему?
- Что оказалось наиболее полезным для вас в информационных порталах о ковиде?
- Откуда вы узнавали информацию о заболевании и статистике по заболеванию?
- Что было по вашему мнению важным в действиях властей?
- Чтобы вы изменили в ограничительных мерах и почему?
- Чтобы вы изменили в своем лечении и почему?
- Кому вы больше всего доверяли и на кого надеялись когда заболели и почему?
- Кто больше заботился о вас во время болезни врачи или члены семьи/ другие люди?
- Как изменились ваши жизненные приоритеты и доверие к медицине во время болезни?
- Какие из правил и рекомендаций во время болезни вам было сложно соблюдать и почему?
- С какими трудностями адаптации вы столкнулись после пандемии? Что для вас наиболее сложное тогда и сейчас?
- Как вы оцениваете дальнейшие изменения, которые будут происходить после пандемии?
- Какие меры вы предпринимаете для того, чтобы адаптироваться к новым условиям?
- Какие новые навыки вы получили и освоили за время пандемии?
- Планируете ли вы снова вакцинироваться? Почему планируете/не планируете?
- Если пандемия повториться вновь какие меры вы будете предпринимать и почему?